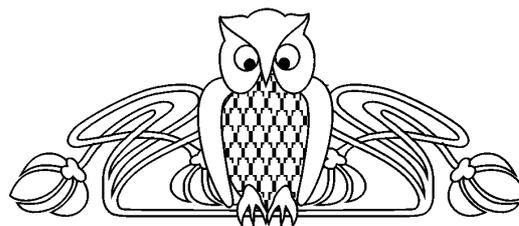

УДК (94(44).028/.029

Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается ведущая проблема политической теории во Франции XVI в. в период формирования новых доктрин. Анализируются изменения в трактовке проблемы монархии и характер связанной с ней полемики в период гражданских войн.

Ключевые слова: политическая мысль, государство, монархия, виды монархии, суверенитет.

Поступила в редакцию: 31.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Debate about the Monarchy in French Political Thought in the 16th Century

I. Ya. Elfond

Irina Ya. Elfond, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>, Yury Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaja St., Saratov 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with the central problem of political theory in the 16th century France during the period of the formation of new concepts. The author attempts to analyze the evolution in the interpretation of the problem of monarchy as well as the character of the discussion around the problem of the monarchy during the civic and religious wars.

Keywords: political thought, state, monarchy, forms of monarchy, sovereignty.

Received: 31.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>

Политическая борьба во Франции периода гражданских войн XVI в. определила необходимость идейной аргументации для обоснования борьбы и поиск новых доводов. Сложившаяся доктрина конституционализма уже не соответствовала новым условиям, и идеологи всех партий стремились обосновать правомерность своей позиции. В результате бурных событий гражданских войн формировались новые политические доктрины. В эпицентре идейной борьбы оказались споры о монархии. При этом ни один автор фактически

никогда не выступал против монархии как формы государства. Защитников республиканского правления в литературе почти не встречается. Спор шел вокруг проблемы ограниченной и неограниченной монархии (и тирании), причем не столько в сфере общих проблем политической теории, сколько вокруг истории Франции.

Впервые концепция конституционализма была системно изложена в сочинении Клода де Сейсселя «Великая Французская монархия» (1516). Трактат отразил определенный уровень политического сознания общества в эпоху утверждения абсолютизма, а также характер политической идеологии эпохи. В нем выдвинут идеал государства – наследственная монархия, в которой действуют сословно-представительные учреждения, т. е. идеальное государство совпадает с реально существующим французским королевством, сословно-представительной монархией. Согласно Сейсселю власть королей во Франции исторически была ограничена тремя институтами – законом, религией, государственными учреждениями. Особое значение придавалось последним: «Третья узда, которой сдерживаются французские короли, – это учреждения и обычаи королевства, которые освящены многими веками и подтверждены длительным обычаем»¹, в силу чего они приобрели вечный и непреложный характер. Именно наличие подобных учреждений и гарантирует возникновение в обществе «добраго порядка и гармонии, существующих в отношениях между всеми слоями»².

Основной контроль согласно этой теории должны осуществлять не Генеральные штаты, а судебные учреждения, т. е. парламенты, которые и были созданы «ради укрощения абсолютной власти» короля³. Идеи конституционализма служили для определения специфики французской государственности; французское королевство рассматривалось как смешанное государство, а в его политическом устройстве присутствовали элементы аристократического и демократического правлений. Эта идея дополнялась учением о сословиях и тезисом о возможности социальной мобильности, которую обеспечивает сам факт существования смешанного государства.

Сейссель определил дальнейшее развитие политической мысли эпохи, а направление, восходившее к его концепции, стало магистральным. Все теории, связанные с ней, опирались на идею необходимости ограничения власти монарха

государственными институтами (сословно-представительными или судебными) или законом. Идеи Сейсселя становятся отправными в развитии политических доктрин периода гражданских войн XVI в. Как показала история, апология монархии была взята на вооружение идеологами абсолютизма, требование ограничения центральной власти интерпретировано и развито тираноборцами.

Заметим, что на ранних этапах войн эти воззрения пропагандировались и убежденными защитниками сложившейся политической системы. Канцлер Лопиталь был далек от критики действий и политики монархов и не клеймил их как тиранов. Тем не менее он полагал, что сословно-представительные учреждения призваны контролировать деятельность и политику государя: «Именно они удерживают государей от слишком большого обременения народа и крайней перегрузки его при введении новых налогов, осуществлении экстраординарных гигантских расходов, а также при назначении на должность судей дурных людей, передаче недостойным лицам епископств и аббатств, а также от всех других бесконечных бедствий»⁴. Отсюда и видение функций Генеральных Штатов: они не только должны контролировать власть, но и уведомлять ее обо всех бедствиях, «государь могут услышать и раз-узнуть обо всем только когда проводят Штаты»⁵. Генеральные Штаты тем самым превращаются в важнейший политический орган во Франции, от функционирования и активности которого зависит благоденствие государства. В силу этого любое выступление против Генеральных Штатов свидетельствует о политической неблагонадежности человека, о том, что он – враг народа и страны. Этими людьми, судя по всему, в представлении гуманиста оказываются королевские советники, которые мешают деятельности короля, повинуясь личным интересам.

Характерно, что отказ от проведения сословно-представительных собраний, с точки зрения Лопиталья, свидетельствует о проявлении определенных тенденций к установлению тирании, «тех, кто опасается подобных великих собраний, должно подозревать в стремлении к тирании, и их не следует считать законными государями»⁶. Тирания для Лопиталья – это отказ от сословного представительства и попытка сконцентрировать власть в одних руках. Вообще королевская власть должна быть ограничена, по его убеждению, «неконтролируемое могущество всегда низводится до уровня тирании». Ограничение же устанавливается, прежде всего, законами, даже «король не в силах ничего сделать вопреки закону»⁷. Контроль же за следованием законам и обычаям передан сословно-представительным учреждениям. Важно, что Лопиталь писал это уже в начале гражданских войн, следовательно, утверждение абсолютизма вызывало и у него подозрение в тенденциях к тирании. Это было далеко от апологетики Сейсселя. Все же канцлер стоял на охранительных

позициях. Желая сохранить учреждения, которые были освящены традицией, он преувеличивал историческое значение и политическую роль Генеральных Штатов и объективно выступал против новшеств в политической жизни, которые несли в себе абсолютная монархия (преданным слугой которой канцлер в то же время оставался).

Подобные идеи использовались в дальнейшем в сочинениях историков и политических теоретиков, защитников легитимизма. Пожалуй, наиболее оригинальная интерпретация этих идей была дана в творчестве известного историка Э. Пакье⁸, который попытался создать определенный теоретический компромисс. Он полагал, что центральная власть должна быть ограничена (иначе создастся возможность для установления тирании), но проводил тезис о неограниченности власти государя, предоставленной ему Богом: «Бог дал королям полную и абсолютную власть»⁹. Вопиющее противоречие в своем учении Пакье разрешил, выдвинув идею о добровольном самоограничении власти монархов. Оно не было иницировано какими-либо учреждениями, но было следствием инициативы самих королей Франции, поскольку истинный государь не станет использовать подобный дар Бога. По его мнению, «мудрый государь передает абсолютное могущество под власть законов»¹⁰.

Эта исключительная политическая сознательность – монархи добровольно идут на ограничение прав, принадлежащих им по закону, дарованных им от Бога, – могла возникнуть, утверждал историк, только во Франции, где с давних времен сформировалась уникальная политическая ситуация, обусловленная страстью народа к свободе и справедливости. Следует заметить, что апология добровольного сужения своих прав ставила еще одну конкретную политическую цель – она обязывала к благодарности подданных, которые в этих условиях могли только выказывать покорность королю.

Короли добровольно жертвуют своим могуществом из любви к народу, во имя общественного блага, ради торжества закона, по формуле Пакье «наши короли вследствие своей природной любви к своим подданным передали свое могущество под власть законов»¹¹. Таким образом, выше короля в силу его добровольного отрешения от законных прав стоят только законы, но ни одно политическое учреждение не может претендовать на контроль над действиями монарха. Историк вступает в спор с формирующейся теорией тираноборцев и отвергает тезис о Генеральных Штатах как выразителе суверенных прав народа. Его вывод прямо направлен против тираноборцев: «Некоторые считают и настаивают на том, что собрания сословий сыграли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и усматривают в этих учреждениях воплощение свободы народа. Ни то, ни другое не соответствует истине»¹². Пакье подчеркивал

ограниченные возможности Генеральных Штатов и настаивал на том, что сословно-представительные учреждения служили интересам короны, а не защищали народ, тем более не ограничивали произвол королевской власти: «В нашей Франции общие ассамблеи трех сословий всегда собирались только для того, чтобы увеличить казну наших государей и сократить средства народа»¹³. Историк настаивал на ограниченной временем, пространством и правом роли сословного представительства. Не менее категоричен он и в отношении тираноборческой идеи о делегировании верховных прав народа вельможам.

На его оценках сказалось негативное отношение к политической роли французской знати в истории общества и государства; историк справедливо считал ее инициатором мятежей против короны и подстрекателем народа¹⁴. Если уж монархи сами пошли на ограничение собственных законных прав во имя блага общества, то ограничивать их могут только законы. Однако законы могут признаваться таковыми только в случае издания их монархами, попытки народа присвоить это право верховной власти, утверждает историк, достойны осуждения. По мнению гуманиста, «нельзя допустить, чтобы подданные бросали вызов государю или же диктовали ему законы»¹⁵. Взгляды Пакье обрели заверщенное выражение в максиме: «Короли ограничены законами, народ повинуется королям, а король подчиняется закону»¹⁶. По мере углубления политического кризиса во Франции гуманист переходит на позиции апологетики сильной абсолютной власти короля и по сути прорывает как с наследием конституционализма, так и с собственной идеей добровольного ограничения королевской власти законами.

Подлинно революционная интерпретация идей конституционализма была создана в ходе гражданских войн второй половины XVI в. теоретиками тираноборчества и популяризовалась в публицистике. Ф. Отман, Т. де Без, Ф. Дюплесси-Морнэ и многочисленные авторы памфлетов разработали традиционные идеи на новом уровне, значительно их переосмыслив. Они пришли к идее изначальной верховной власти народа, нашедшей выражение в деятельности народного представительства и выборности королей, а затем к апологетике народного суверенитета и обоснованию законности выступления против монарха, его свержения и даже убийства¹⁷.

Тем самым радикально менялась сложившаяся концепция монархии. Новое учение выглядело приблизительно следующим образом: во Франции с момента возникновения элементов государственности королевская власть была выборной, а значит ограниченной. Реальная власть принадлежала народу, делегировавшему ее своим доверенным лицам, сословному представительству (по термину Отмана, «общественному совету народа» (*publicum gentem consilium*)). На этой основе автор выстроил учение о народном суверенитете,

«верховная государственная власть в королевстве Франкогаллии принадлежала общественному совету, который в более поздние времена стал называться собранием трех сословий»¹⁸.

Таким образом, во Франции с незапамятных времен существовала только выборная монархия, а наследственная передача власти от отца к сыну – позднейшее изобретение французских королей из династии Капетингов, преследовавшее цель сократить политические права народа. В сочинении утверждается тезис об изначальном историческом существовании ограниченной власти монарха во Франции. Сам факт возникновения монархии был связан с ее ограничением. В роли таких ограничителей выступали законы. Целая глава «Франкогаллии» (в первых изданиях она была заключительной) посвящалась анализу фундаментальных законов Франции. Автор насчитал восемь (!) законов, ограничивающих действия французских королей. К ним Отман относит, прежде всего, отсутствие для короля права распоряжения престолонаследием. Вступление на престол определено функционированием издревле установленных законов, но не наследственным правом или божественной волей: «Король держит свое королевство только благодаря мощи и могуществу непоколебимого закона королевства, которым он и призывается к этой должности»¹⁹. Король лишается права распоряжаться своим наследием по завещанию, это «никакой юридической силы не имело». Король не мог распоряжаться судьбой домена, объявленного собственностью государства, т. е. всего народа: «Ни один король не обладает правом отчуждения части своего домена без постановления общественного совета, так как домен был предоставлен королю и король пользовался им»²⁰. Король не мог назначать людей на высшие государственные должности: «Майордомы и другие высшие должностные лица не назначались королем по собственному волеизъявлению»²¹.

Среди этих законов находятся также запрет изменять систему мер и весов (не говоря о монете) и даже давать помилование осужденным преступникам, менять решение суда. Но самым существенным, вероятно, следует считать тезис о невозможности решения королями государственных дел: «королю не дозволяется единолично без власти общественного совета решать что-либо из того, что распространяется на государство в целом»²².

Тем самым в интерпретации Отмана королевская власть во Франции всегда была лишена всех функций, которые в представлении современников определяли ее как верховную власть (Боден все эти права квалифицировал как признаки суверенитета). Естественно, при установлении подобных ограничений в деле управления она лишается сакральности и трактуется как чисто исполнительная: «Эта царская власть, похоже, представляла собой нечто вроде постоянной магистратуры»²³. Король, таким образом, пре-

вращается в чиновника, рядовое должностное лицо, подотчетное некоему верховному органу, по сути измышленному Отманом. Власть монарха ограничена не только законами, но и политическими органами. К таковым он причисляет в первую очередь «общественный совет народа». Данное понятие Отман применяет и к народному собранию эпохи родового общества, и к собраниям знати в эпоху Каролингов, и к сословному представительству. Обозначенному органу якобы принадлежит высшая власть, «вся власть в управлении королевством явно принадлежала общественному совету»²⁴.

Сам факт возникновения этого всемогущего согласно Отману органа, сочетающего законодательные и исполнительные функции, автор связывает с консервацией традиций древней Галлии: «Свободная и древняя Галлия управлялась собранием избранных людей»²⁵. Совет должен включать лиц высокого социального статуса (что говорит о политических симпатиях автора); по его мнению (подкрепленному ссылкой на Платона), «царскую власть следует контролировать с помощью знати и выдающихся людей, которым народ доверил могущество, дабы те осуществляли то, что может быть нами определено как обуздание власти». В противном случае, повторяет автор мысль, уже ставшую политическим штампом, она превращается в тиранию. Тирания как форма единовластия понималась не как захват высшей власти, а как результат разложения легитимной монархии.

Подобное превращение и установление тирании для Франции исключено в силу ее приверженности свободе. Отман декларирует: «Наши предки поистине являлись франками и подлинными стражами свободы, не ставили себя под власть какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом; скорее они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу»²⁶. А потому все древнейшие институты и порядки во Франции были установлены исключительно для ограничения власти короля и воплощения принципа народовластия: «Во Франции королями становились согласно определенным законам, и короли не утверждались подобно тиранам при неограниченной власти и при необузданной совести»²⁷, и «становились королями по согласию и избранию народа, а не по праву наследования»²⁸. Тем самым отрицалось существование наследственного принципа передачи короны, монархия лишалась одной из своих важнейших основ. Все это служило опровержению наследственной власти: «Королевства не были наследственными, но передавались по воле народа, короли не пользовались неограниченной свободой, но находились под контролем особых законов»²⁹. Выборность монархии доказывала суверенитет народа: «Верховная власть как в том, чтобы передавать

королевство, так и в том, чтобы его забирать, принадлежала собранию народа и общественному совету народа»³⁰.

Уже сам приход к власти означал серьезные ограничения власти государя; тот, кто предоставлял власть, тот и контролировал ее. А в случае недовольства народа правлением монарха его власть можно было законно отнять столь же волевым решением. Ведь право избрания означало и право низложения: «Поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон царей, то следует считать, что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей»³¹. Власть монарха оказывалась под полным контролем.

Отман утверждал, что главным политическим принципом и основой французского государства являлось подчинение королевской власти народу. Он доказывал, что существовала супрематия власти народа, что проявлялось в деятельности штатов. Короли покорно склонялись перед этим порядком: «На протяжении более чем пятисот пятидесяти лет суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов»³². Этот порядок существовал с древнейших времен: «Наши предки при создании государства установили, что оно будет управляться общим собранием всех сословий»³³.

Ограничение власти короля связано также с тем, что все важнейшие государственные дела Отман объявляет вне сферы его компетенции, их «не могли решать никакие государственные ведомства или учреждения, за исключением совета сословий или их представителей»³⁴. Эти ничем не доказанные тезисы подводили читателя к мысли о незаконности неограниченной власти монарха и к идее дозволенности сопротивления абсолютистским стремлениям. Такие государи объявлялись тиранами: «короли, которые пытаются подавить священную свободу своими злыми измышлениями, должны считаться не королями, но тиранами, так, словно они являются нарушителями этого права, общего для всех народов, существами, выключенными из человеческого общества»³⁵. Если принцип народовластия законен («народы не были созданы и приготовлены для королей, но скорее наоборот, короли – для народа»), то обосновано право народа на борьбу с законным монархом и на свержение такой власти, но право на борьбу получали не сословно-представительные учреждения, а знать. Тем самым легализовались феодальные мятежи против короны. Позиция озвучена ясно; знать имеет право выступить против короля.

Самое неожиданное в трактовке монархии Отманом, это тезис о существовании во Франции смешанного государства; «при учреждении королевства Франкогаллии следовали за суждением Цицерона о том, что наилучшее государство то, в котором соединены три вида правления». А три сословия «следует связывать скорее с тремя

формами государства, которые воплощены в этом совете – монархией, аристократией и демократией»³⁶.

Влияние этих идей заметно даже в том из сочинений Отмана, где он переходит на легитимистские позиции – «О праве наследования королевства Франции» (1586). В нем также утверждается необходимость подчинения королей общепринятым законам, хотя не проводится тезис о верховной власти народа. Монарх обязан соблюдать законы своего государства³⁷, законы традиционно ставятся выше государственной власти и определяются как средство обуздания королей. Нарушитель этих законов квалифицируется как тиран: «Если король выходит за рамки правил, обычаев и пределов, установленных ему, и постоянно выдает свои собственные желания за пользу народа, он – хищный тиран, жестокий и нестерпимый»³⁸. Отман усложняет идеи Сейсселя и объявляет совокупность всех имевшихся политических институтов уздой, ограничивающей власть государя. Для ее обозначения Отман ввел заимствованный у Аристотеля термин «полития»; объявив сословия источником всех институтов, обычаев и законов: «уздой, которая сдерживает королей Франции, является полития, те обычаи и многочисленные учреждения королевства, созданные сословиями»³⁹.

Даже Салический закон, который в данном трактате оценивался как основной конституционный закон страны, связывается с якобы бытовавшей в древности традицией электоральной передачи власти у франков: «Наследник владеет французской короной не благодаря тому, что получил ее от отца, а благодаря законам и обычаям этого королевства»⁴⁰. Данное сочинение интересно тем, что при попытке защитить принцип легитимизма Отман не отказывается от своих положений, выдвинутых им ранее.

Концепция монархии, предложенная Отманом, получила завершение в наиболее позднем из сочинений тираноборцев «Иске к тиранам». В нем, однако, были развиты до предела идеи, связанные с правом народа на сопротивление и свержение несправедливой власти (пусть даже законной). Анонимный памфлет, принадлежащий перу Ф. Дюплесси-Морнэ (в этом мнении сходятся теперь исследователи проблемы) еще более радикализировал идеи Отмана. Власть государя даже не просто ограничена волей народа, он окончательно превращается в должностное лицо, правда, назначенное и избранное богом ради пользы народа: «Государь – это слуга, определенный богом для блага и процветания народа»⁴¹. Источником власти объявлялся народ, именно он избирает короля, а тот просто исполняет его волю. При этом Морнэ объявляет эту ситуацию соответствующей воле Божией: «Народ учреждает королей, которым он и дает скипетр, короли обязаны своим избранием доверию народа. Бог желает, чтобы так продолжалось до тех пор, пока короли признают, что они

обязаны своей верховной властью и могуществом народу, и в то же время получили ее благодаря божьей воле»⁴².

Автор делает важный вывод: претензии монарха на неограниченную власть – это не проявление божественного права, а нарушение воли Бога. В силу этого, учит Морнэ, в борьбе с таким государем народ не просто защищает свои права, на его стороне оказывается сам Бог: «Бог чаще поддерживает народы, чем государей»⁴³. Завершаются рассуждения о правах народа и ограниченной власти короля тезисом о супрематии власти народа. По мнению Морнэ, «король становится государем по решению народа и во имя любви к народу, что же странного в том, что мы сделаем вывод о том, что народ выше государя»⁴⁴. Власть короля априорно ограничена в силу своего происхождения, суверенитета народа и воли бога. Негодного же слугу общества правомерно и законно устранить. Идеи «Иска к тиранам» завершают долгий путь развития концепции монархии во Франции XVI в. и демонстрируют не только радикализацию ее, но и связь со средневековыми политическими представлениями.

Теории тираноборцев вызвали серьезные опасения у защитников абсолютизма. Это проявлялось уже у Э. Пакье, и именно данный аспект приобретает особую важность в величайшем труде эпохи по политической теории – трактате «О государстве» Ж. Бодена, который рассматривает теорию государства комплексно, но, судя по некоторым признакам, особое внимание его привлекают именно те моменты, которые могут опровергнуть взгляды тираноборцев. Неслучайно он объяснял само обращение к этому трактату необходимостью опровержения тезисов тираноборцев (и Макиавелли), пресечения вредных, по его мнению, идей, которые расшатывают государство и могут привести к его гибели. Эту позицию Ж. Боден изложил в предисловии к трактату и неоднократно повторял, призывая читателей не следовать соблазну, «не останавливаться на прекрасных речах тех, кто хочет заставить подданных думать, будто необходимо подчинить монархов народу, и сделать так, чтобы подданные давали закон своему государю, принимая во внимание, что это несет гибель не только монархиям, [но] и подданным»⁴⁵. Ж. Боден объявляет преступными, провоцирующими мятежи и революции публикации тираноборческих трактатов: «С помощью этого способа готовят восстания, дабы изменить правильно управляемую монархию и перевернуть все вверх дном». Неслучайно Боден пишет свой трактат на французском языке, чтобы сделать его более доступным для широкого читателя.

Внимание автора большей части книг трактата сконцентрировано на проблемах, связанных с монархией. Боден не зря считается создателем абсолютистской теории. Теория суверенитета (важнейший вклад автора в историю политических учений) также служит защите и апологии

монархии. Он объявляет неделимость суверенитета и опровергает теорию смешанного государства. Боден осуждает ошибки политических мыслителей прошлого, утверждая, что суверенитет неделим, смешанное государство не может существовать: «Если суверенитет по самой своей природе неделим, как может он быть предоставлен государю, сеньорам и народу одновременно». Исторический опыт человечества доказал, что «совмещать монархию с демократическим государством или с аристократическим владычеством – это вещь невозможная, неосуществимая в действительности, даже нельзя вообразить подобное»⁴⁶. Именно в связи с этой теорией Боден полемизирует с тираноборцами: «Иные пишут, что французское королевство сочетает все три формы государства – парламент представляет аристократию, Генеральные Штаты – демократию, а король – монархию»⁴⁷. Это – прямой выпад против учения о народном суверенитете: «Нет никакого народного суверенитета в собрании трех сословий, которое существует в данном королевстве»⁴⁸. Он заявляет, что такая пропаганда во Франции является уголовным преступлением. Если Пакье полемизирует, то Боден выдвигает политические обвинения. Опровержение теории смешанного государства опровергало трактовку тираноборцев сущности монархии.

Боден допускал только три вида государства; суверенитет в монархии может принадлежать только государю. Ни о разделении его, ни о делегировании речи идти не может: «Имя царя может относиться лишь к тому, кто является абсолютным сувереном»⁴⁹. Защищая традиционное французское государство, Боден вступает в полемику с античными авторами, даже с Аристотелем, отвергая его определение монарха, поскольку оно включает в себя согласие подданных и тезис о том, что государь становится тираном, если правит против воли своих подданных. По мнению Бодена, «подобные дефиниции не просто безосновательны, но они еще и опасны». Естественно, что он вынужден обратиться к проблеме тирании, и вводит классификацию монархий, которые различаются по характеру правления, «существуют только три варианта – деспотическая, царственная монархия и тирания»⁵⁰. Однако все «они не являются разными государствами, и деление относится к различиям в управлении монархией»⁵¹.

Анализ этих трех видов показателен. Деспотическая (Боден переводит термин Аристотеля как «сеньориальная») монархия является первой формой государства, ее «не следует называть тиранией»⁵², хотя основана она на насилии. Такое государство не могло утвердиться в Европе из-за свободолюбивой природы народов Европы и сохраняется лишь у татар и в Московском государстве. Исторический опыт доказал неизбежность быстрого падения тирании и прочность древнейших монархических государств: тирании быстро приходят к гибели, а деспотические монархии

(в особенности обширные) доказали прочность своего существования. Самое важное, что этот древнейший вариант единовластия эволюционировал благодаря процессу цивилизации общества: «Государи и народы постепенно смягчались человечностью, и добрыми законами, так что сохраняли лишь образ деспотической монархии»⁵³. Странная терпимость к деспотии вызвана, возможно, попыткой опровергнуть тезис Аристотеля, что первые цари героических эпох избирались народом. Эволюция состояла в том, что деспотический монарх мог изменить характер правления и тогда «перестает быть владыкой и становится царем, а деспотическую монархию превращает в царственную»⁵⁴. К тирании же Боден относится не лучше прочих, подчеркивая ее неизбежный крах: «Тираническая монархия – наиболее слабая среди всех государств, так как она сохраняется и питается исключительно жестокостью, злодействами; и, тем не менее, можно видеть, что ей приходит конец в результате бунта и гражданских войн»⁵⁵. Именно в этой связи впервые гибель государства в форме единовластия связывается с мятежами и гражданскими войнами. Неслучайно большая часть четвертой книги посвящена причинам революции или переворота, среди которых основное место занимают социальные конфликты.

Поэтому в правильно организованной монархии «подданные обязаны повиноваться царственному монарху, дабы показать, что верховная власть заключается только в суверенном государе, а сам монарх – подчиняться законам природы». Царственная монархия характеризуется торжеством законов, в итоге возникает социальная гармония: «Закон становится для обеих сторон повелителем; он соединяет узлами взаимной дружбы подданных между собой и со своим государем, обеспечивает повиновение подданных по отношению к государю, а отсюда проистекает сладчайшая и нежная гармония, тех и других и всех вместе с монархом»⁵⁶.

Основное внимание в своем трактате Боден уделяет прославлению царственной монархии, для которой, по его мнению, характерно, что государь приходит к власти легитимно, следует законам природы, «сохраняя за каждым из подданных естественную свободу и собственность на имущество»⁵⁷. При этих условиях подданные обязаны подчиняться безоговорочно, независимо от способа прихода к власти, поскольку «высшая власть воплощена только в суверенном государе»⁵⁸. Оговорка не случайна, поскольку политика правителя может различаться: «Один и тот же государь может вести себя как деспот по отношению к одним подданным, как царь – к другим, и как тиран – к прочим»⁵⁹. Таким образом он объясняет возможность гражданских войн и связывает с этим появление антимонархической пропаганды, «печатных книг, согласно которым подданные могут по справедливости взять в руки оружие против своего государя-тирана, и предать его смерти»⁶⁰.

Позиция Бодена выражена предельно ясно: «Подданный никогда не может покушаться на своего суверенного государя, даже если он – злобный и жестокий тиран»⁶¹. Наиболее четко его оценки монархии излагаются в шестой книге трактата. Боден сравнивает преимущества и недостатки разных государств, но если демократию решительно осуждает, в отношении аристократической республики ограничивается доводами за и против, то монархию восхваляет, открыто заявляя, что «чистая и абсолютная монархия является самым надежным государством и без сравнения лучшим из всех»⁶². Более того, он объявляет монархию формой организации общества, наиболее соответствующей мировому порядку: «Все законы природы нас ведут к монархии», приводя длинный список сторонников мнения, что монархия является наилучшим государством. К этому выводу приводит и исторический опыт: «Народы обнаружили благодаря опыту многих столетий, что монархия является более надежной, более полезной и более продолжительной формой государства, чем аристократия или демократия»⁶³. Однако не всегда она является совершенной: «Мало сказать, что царственная монархия лучше демократического или аристократического государства, если только при этом не добавить, что монархия должна передаваться нераздельной и по праву наследования по мужской линии к наиболее близкому родственнику». По его мнению, «среди монархий наиболее прекрасной является царственная монархия, и лучше, если она будет передаваться по наследственному праву, а не путем выборов». Именно к этому пришли разные народы, и в результате «наследственные монархии были установлены почти во всем мире»⁶⁴. Боден выступает сторонником наследственной монархии, которая «является в большей мере достойной похвал и более стабильной, чем остальные, которые передаются по жребию или согласно выбору или даже потомку по мужской линии, но не самому близкому или даже самому близкому, но являющемуся потомком по материнской линии, или даже тому, кто наиболее близок по мужской линии, но не должен разделять с другими родичами все государство, или его часть»⁶⁵.

Впоследствии Боден защищает французские фундаментальные законы, поэтому лучшими монархиями «являются те, которые основывались на праве наследования по мужской линии ближайшим родственником», прежде всего по принципу примогенитуры, соответствующему законам природы.

Таким образом, «правильная монархия» у Бодена, по сути, соответствует исторически сложившейся во Франции монархии и это учение является опровержением теории тираноборцев. Боден не просто протестует против права элекции, это прямая полемика с тираноборцами. В подтексте лежит осмысление событий граждан-

ских войн, страх перед будущим: «Если желали нарушить и осквернить этот естественный закон, всегда за этим следовали великие беды и гражданские войны»⁶⁶.

Боден явно выступает против электоральной монархии как основы учения тираноборцев. По его мнению, выборность правителя приводит к катастрофам: «Во всех выборных монархиях государство оказывается в чистой анархии, без царя, без правителя или регулярного правления, и находится под угрозой опасности разрушения»⁶⁷. Это приводит к распрям и борьбе в обществе: «Если монархия впадет в хаос, каждый пожелает надеяться на трон и... невозможно избежать того, чтобы возникли большие партии, а они расколуют подданных и превратят их в чьих-то сторонников»⁶⁸. Борьба за избрание может привести к чужеземному вторжению, он напоминает, чем обернулось право элекции для Венгрии: «Венгерский народ, чтобы сохранить право избрания наместника, попал в вечное рабство у государя, утратив не только право избрания, но также поставив в зависимость от случая потерю своих законов и религии»⁶⁹.

Отсюда и защита абсолютной монархии: «В правильно организованном государстве должно быть установлено, что суверенная власть принадлежит только одному человеку, без участия штатов или власти давать ему закон»⁷⁰. Возможно, отсюда проистекает все более усиливающееся негативное отношение к демократии как к худшему виду государства, причем она оказывается в числе незаконных форм государства: «Среди трех законных форм государства, правовая монархия является наилучшей, а среди незаконных форм государства наиболее порочной является демократия»⁷¹. Только в одном вопросе Боден согласен с тираноборцами: недопустим переход короны к женщине, так как это ведет к раздорам внутри государства либо к приходу к власти чужеземцев.

Тем не менее Боден отмечает слабость единовластия: «Суверенитет несет в себе такое несчастье, что часто даже мудрые превращаются в безумцев, отважные становятся трусами, а добрые – злыми»⁷². Так как хороших людей вообще меньше, чем дурных, «нечего удивляться тому, что мало было добродетельных государей. А потому просто великое чудо, если среди многих находится один превосходный правитель»⁷³. Боден не идеализирует правителей, сама природа неограниченной власти способствует растлению людей: «Он превратился после того как вкусил высшей власти в самого отвратительного тирана... погряз в жестокости и грязных пороках»⁷⁴. Личность государя во многом определяет судьбы монархии: «Если государь является хитрым и злым, то он устанавливает тиранию, если он жесток, то он устраивает в государстве бойню, если он развратен, то превращает его в бордель, или то и другое вместе; если скуп, то сострижет

шерсть и сдерет шкуру с подданных, если он расточителен, то высосет кровь и мозг»⁷⁵. Самое худшее, если государь будет дураком и неучем. При этом Боден отмечает, что лучше жестокость, чем прекраснотушие, государь обязан «привести к повиновению мятежный народ»⁷⁶. Но должно строго караться выступление против законного государя и призывы к нему.

Трактовку монархии как наилучшей формы государства Боден обосновал также учением о распределительной, уравнивательной и гармонической справедливости: «Нельзя только декларировать, что монархическое государство является превосходнейшим, если при этом также не показать, что его следует умерять при помощи аристократического и демократического управления, то есть с помощью гармонической справедливости»⁷⁷. Все рассуждения по этому поводу сводятся к одному выводу, завершающему огромный трактат: при легитимной монархии утверждается гармоническая справедливость и «возникает приятная гармония всех подданных между собой и всех вместе – с суверенным государем».

Вся концепция монархии Бодена (при гораздо более широком рассмотрении проблемы) является ответом на теорию тираноборчества и попыткой полностью опровергнуть эту теорию. На основании опыта самых различных государств (даже Азии и Африки) он доказывает, что наличие правильно организованной монархии предотвращает угрозу социальных конфликтов, гражданских войн и переворотов в государстве, их гибели.

Споры о монархии подводили итог развития политической мысли эпохи и отвечали актуальным политическим запросам. Тираноборцы, опираясь на идею ограничения власти правителя, выстроили новую политическую доктрину, порожденную оппозицией абсолютизму. Именно в связи с трактовкой проблемы единовластия ими были провозглашены учения о правах народа и сословий, важнейшей роли сословного представительства и как результата – положения о супрематии власти народа, народном суверенитете и народном договоре. В решении проблемы монархии идеологи тираноборчества пошли еще дальше, позитивно решив вопрос о законности сопротивления правителю и провозгласив право на восстание против власти монарха. Иной путь был у защитников центральной власти: они вынуждены были порвать с конституционализмом и пропагандировать учение о суверенитете и о божественном праве государей. Эти споры определялись необходимостью обоснования политической борьбы, но по мере углубления противостояния в стране все большее значение приобретают легитимистские концепции, защита уже сложившейся политической формы организации общества как средства не только стабилизировать положение дел, но и сохранить независимое французское государство.

Примечания

- ¹ *Seyssel C. de. La Monarchie de France. Paris, 1961. P. 113.*
- ² *Ibid. P. 117.*
- ³ *Keohane N. Claude de Seyssel and Sixteenth century constitutionalism // Constitutionalism. New York, 1979. P. 98–150.*
- ⁴ *L'Hospital M. de. Harangue du Chancillier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des Estats Generaux. Paris, 1829. P. 3.*
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Ibid. P. 6.*
- ⁸ См. : *Эльфонд И. Я. Кабинетный ученый и бури гражданских войн // Человек XVI столетия / под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М. : ИВИ РАН, 2000. С. 72–82.*
- ⁹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. Paris, 1643. P. 182.*
- ¹⁰ *Pasquier E. Les lettres : in 2 vols. Paris, 1619. Vol. 1. P. 82.*
- ¹¹ *Ibid. P. 525.*
- ¹² *Pasquier E. Les Recherches de la France. P. 82.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 90.*
- ¹⁵ *Pasquier E. Les lettres : in 2 vols. Paris, 1619. Vol. 2. P. 353.*
- ¹⁶ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P. 1000.*
- ¹⁷ См., напр. : *Testoni Binetti S. Il pensiero politico ugonotto. Dalla studia della storia all' idee di contratto. 1572–1579. Firenze, 2002.*
- ¹⁸ *Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 290.*
- ¹⁹ *Ibid. P. 466.*
- ²⁰ *Ibid. P. 472.*
- ²¹ *Ibid. P. 350.*
- ²² *Ibid. P. 459.*
- ²³ *Ibid. P. 154.*
- ²⁴ *Ibid. P. 342.*
- ²⁵ *Ibid. P. 302.*
- ²⁶ *Ibid. P. 342.*
- ²⁷ *Ibid. P. 236.*
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid. P. 154.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid. P. 234.*
- ³² *Ibid. P. 394.*
- ³³ *Ibid. P. 302.*
- ³⁴ *Ibid. P. 350.*
- ³⁵ *Ibid. P. 316.*
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ *Hotman F. De jure successionis regiae in regno Francorum. S. L., 1588. P. 4.*
- ³⁸ *Ibid. P. 4–5.*
- ³⁹ *Ibid. P. 4.*
- ⁴⁰ *Ibid. P. 16.*
- ⁴¹ *Du puissance legitime du prince sur le peuple et le peuple sur le prince. S. L., 1581. P. 95.*
- ⁴² *Ibid. P. 96.*

- ⁴³ Du puissance legitime du prince sur le peuple et le peuple sur le prince. P. 56.
- ⁴⁴ Ibid. P. 95.
- ⁴⁵ Bodin J. De la Republique les six livres. Lyon, 1580. P. 670.
- ⁴⁶ Ibid. P. 177.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid. P. 198.
- ⁵⁰ Ibid. P. 197.
- ⁵¹ Ibid. P. 189.
- ⁵² Ibid. P. 191.
- ⁵³ Ibid. P. 192.
- ⁵⁴ Ibid. P. 194.
- ⁵⁵ Ibid. P. 442.
- ⁵⁶ Ibid. P. 195.
- ⁵⁷ Ibid. P. 194.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid. P. 201.
- ⁶⁰ Ibid. P. 212.
- ⁶¹ Ibid. P. 213.
- ⁶² Ibid. P. 673.
- ⁶³ Ibid. P. 356.
- ⁶⁴ Ibid. P. 357.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Ibid. P. 690.
- ⁶⁷ Ibid. P. 681.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid. P. 684.
- ⁷⁰ Ibid. P. 677.
- ⁷¹ Ibid
- ⁷² Ibid. P. 670.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ Ibid. P. 361.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Ibid. P. 452.
- ⁷⁷ Ibid. P. 706.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 517–527. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>

Cite this article as:

Elfond I. Ya. The Debate about the Monarchy in French Political Thought in the 16th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 517–525 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>
